

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2011
XX**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
660
EXPRESS-ISSUE**

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Т о м Х Х

Экспресс-выпуск • Express-issue

2011 № 660

СОДЕРЖАНИЕ

- 1047-1060 Некоторые моменты эволюции и расселения глухаря *Tetrao urogallus* в антропогене.
Р. Л. ПОТАПОВ
- 1060-1064 Материалы по биологии птиц Теджена (южная Туркмения). К. А. ВОРОБЬЁВ
- 1064-1068 Свиристелевый сорокопут *Upocolius atralinus* в СССР. В. Е. ФЛИНТ
- 1069-1071 Беркут *Aquila chrysaetos* на Западном Алтае.
Б. В. ЩЕРБАКОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Санкт-Петербург 199034 Россия

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XX
Express-issue

2011 № 660

CONTENTS

-
- 1047-1060 Some moments of evolution and distribution
of the capercaillie *Tetrao urogallus*
in the Anthropogene. R. L. POTAPOV
- 1060-1064 Materials on the biology of birds of the Tejen
River (southern Turkmenistan).
K. A. VOROBYEV
- 1064-1068 The hypocolius *Hypocolius ampelinus* in USSR.
V. E. FLINT
- 1069-1071 The golden eagle *Aquila chrysaetos* in Western
Altai. B. V. SHCHERBAKOV
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Некоторые моменты эволюции и расселения глухаря *Tetrao urogallus* в антропогене

Р.Л.Потапов

Второе издание. Первая публикация в 1971*

Глухарь *Tetrao urogallus* – исключительно ценный промысловый вид благодаря как размерам, так и высокой численности, которой может достигать при нормальных условиях. Резкое сокращение численности и ареала глухаря в последнее время, ряд попыток, обычно неудачных, акклиматизации и реакклиматизации этих птиц, опыты по разведению глухарей в неволе – всё это привлекло внимание специалистов к различным сторонам биологии вида, до сих пор изученным весьма недостаточно. Для понимания многих моментов биологии глухаря очень важно иметь представление об истории становления вида. Однако эволюции и расселению глухарей уделили внимание до сих пор только С.И.Снегиревский (1946) и Йогансен (H.Johansen 1957). С.И.Снегиревский в неопубликованной монографии по тетеревиным птицам СССР дал следующий, очень краткий, набросок истории вида. В начале антропогена глухарь уже занимал ареал, близкий к современному. В ледниковое время глухари сильно посветлели, а впоследствии потемнели вновь, но не все: южноуральский подвид сохранил свою «ледниковую окраску» наиболее полно. Финский «островок» светлых популяций возник, видимо, в последнее межледниковье, но каким образом он уцелел там при вюрмском оледенении, автор не поясняет. Да это и невозможно было объяснить с позиций общепринятой в то время гипотезы материкового оледенения Евразии в антропогене.

Согласно Йогансену (1957), наиболее примитивной формой является восточносибирский глухарь, и происхождение этих птиц – также восточносибирское. Однако ещё до ледникового времени этот вид был уже распространён на запад по крайней мере до Венгрии и Великобритании. Основные этапы истории вида рисуются Йогансену следующим образом. Ледниковый период вызвал разделение единого ареала вида на две большие части. В западной части ареала, под влиянием более влажного климата, сформировалась тёмная западная раса; в восточной, сибирской части глухари в значительной степени сохранили свой первоначальный облик. В процессе чередования межледниковых и ледниковых эпох происходила дальнейшая дифференциация западной

* Потапов Р.Л. 1971. Некоторые моменты эволюции и расселения глухарей (*Tetrao urogallus*) в антропогене // Зоол. журн. 50, 6: 875-885.

группы. В лесных рефугиумах на Балканах и в Испании сохранились небольшие по размерам и, вероятно, очень древние формы *Tetrao urogallus aquitanicus* Ingram 1915 и *T. u. rudolfi* Dombrowski 1912. От них в последнее межледниковье могла образоваться крупная тёмная раса, заселившая всю среднюю и северную Европу. В последнюю ледниковую эпоху глухари вновь исчезли из Скандинавии и северной части средней Европы. Крупная тёмная раса глухарей могла сохраниться в лесных рефугиумах Западной Европы и на пространствах между Белым морем и Северным Уралом. В послеледниковое время из этих убежищ глухари расселились навстречу друг другу, и встреча двух групп произошла в средних частях Швеции и Норвегии. Из Печорского рефугиума глухари распространились также на восток, заняв север Сибири до Енисея. Кроме того, видимо, в последний межледниковый период обособилась как западный выступ восточносибирской расы, молодая форма *T. u. uralensis* Nazarov 1887, которая активно распространилась в послеледниковье, вклинившись между южной и северной тёмными крупными формами и достигнув на западе побережья Ботнического залива.

Результаты исследований, проведённых мною в последнее время и изложенные в настоящем сообщении, предполагают несколько иные выводы.

Географические и возрастные изменения окраски и телосложения глухарей

Для выяснения ряда моментов в филогении вида нами было обращено особое внимание на ряд признаков, до сих пор специально не анализировавшихся. Главной целью было выяснение примерного облика исходной формы и степень удалённости от неё отдельных форм, причём основным ключом для решения этой задачи был анализ изменения ряда признаков в онтогенезе, особенно между первым и последующими взрослыми нарядами. Изменения в окраске оперения и в телосложении самцов глухарей наиболее значительны именно при переходе от первого ко второму взрослому наряду. Определённые изменения происходят и позднее, так как полное развитие самцов заканчивается на 4-5-м годах жизни, однако изменения эти в большой степени подвержены индивидуальным вариациям и ещё недостаточно изучены. Можно с определённостью говорить только о тенденциях в изменении наряда и телосложения птицы от второго к последующим годам жизни*.

* Исходный материал, на котором выполнена настоящая работа – коллекция Зоологического института АН СССР (более 100 экз.), частично коллекция Зоологического музея Московского университета (около 50 экз.), 10 экз. самцов из музеев Эстонии и около 10 экз., присланных мне на просмотр из Швеции и Финляндии, 1 экз. из Пиренеев.

Помимо общего тона окраски верхней стороны тела самцов и окраски брюшной части, здесь рассматриваются более подробно следующие признаки: длиннохвостость птицы (отношение длины хвоста к длине крыла, выраженное в процентах), развитие белых концевых каёмки на рулевых перьях, развитие на них же серого струйчатого рисунка, окраска вершин перьев подхвостья, наличие остатков «зеркала» на крыле, окраска перьев области зоба («пластрон»), окраска подмышечных перьев, степень развития коричневой перемычки в межлопаточной области и, наконец, особенности брачной песни глухаря, целиком, как и у прочих тетеревиных птиц, наследственной и поэтому столь же пригодной для настоящих целей, сколь и морфологические критерии.

В процессе онтогенеза происходит постепенное увеличение веса и размеров тела, а также возрастает относительная длина хвоста и ширина рулевых перьев. На смену сравнительно узким, закруглённым рулевым перьям первого годового наряда вырастают значительно более широкие, почти прямо срезанные перья второго годового наряда. Белые концевые полосы на этих перьях лучше развиты в первом годовом наряде и впоследствии становятся малозаметными или вообще исчезают. Серый струйчатый рисунок на перьях хвоста наиболее развит также в первый год и затем частично или полностью уступает место сплошной тёмной окраске. Белые вершины нижних кроющих хвоста годоводков у ряда форм с возрастом уменьшаются в размерах, покрываются чёрными пятнами или вообще исчезают. Остатки белого зеркала на крыле в виде небольших белых пятен на наружных опахалах 1-го, нередко 2-го, реже 1-5-го второстепенных маховых перьев наиболее часто встречаются у годоводков. Подмышечные перья у некоторых форм с возрастом приобретают тёмные вершины, будучи всегда белыми у годоводков. Перья, формирующие зелёный пластрон, в первом взрослом наряде у большинства форм несут на скрытой налегающими перьями части поперечный струйчатый рисунок белого цвета, значительно менее развитый или вообще отсутствующий у взрослых птиц. У молодых птиц «перемычка» – межлопаточная область, окрашенная в коричневый цвет, выражена обычно нечётко, сильно испещрена серыми вершинами перьев и у некоторые форм часто отсутствует вообще. У взрослых птиц, как правило, эта перемычка развита лучше и более чётко выражена. На развитии особенностей пения в онтогенезе мы остановимся далее. Перейдём теперь к рассмотрению степени развития упомянутых признаков у различных географических форм и изменений их в онтогенезе каждой формы.

В таблице показаны размеры крыла и хвоста разных подвигов и соотношение их в процентах (длиннохвостость). Наиболее короткохвостым оказывается *T. u. uralensis* Nazarov 1887, и на втором месте – *T. u. karelicus* Lönnberg 1924. Наиболее же длиннохвостыми оказываются

западноевропейские подвида. Для сравнения заметим, что относительная длина хвоста у молодых птиц колеблется в пределах 62-66% от длины крыла, как и у взрослых самок. Если же мы сравним окраску взрослых птиц, то обнаружим самые резкие различия между наиболее короткохвостым *T. u. uralensis* и самыми длиннохвостыми *T. u. major* C.L.Brehm 1831 и *T. u. aquitanicus*. Все остальные формы как по длине хвоста, так и по окраске занимают промежуточную позицию, демонстрируя определённую близость к той или иной крайней форме.

Размеры (мм) крыла и хвоста глухарей разных подвидов

№	Подвид	Длина крыла	Длина хвоста	Длина хвоста в % к длине крыла
1	<i>T. u. uralensis</i> Nazarov, 1887	400.0	307.0	76.7
2	<i>T. u. taczanowskii</i> Stejneger, 1885	408.0	320.0	78.4
3	<i>T. u. obsoletus</i> Snigirewski, 1937	406.0	320.0	78.8
		(362-423)*	(291-340)	
4	<i>T. u. karelicus</i> Lönnberg, 1924	405.0	314.0	77.5
		(397-412)	(300-325)	
5	<i>T. u. lonnbergi</i> Snigirewski, 1957	384.0	300.0	78.2
		(380-391)	290-311()	
6	<i>T. u. urogallus</i> Linnaeus, 1758	398.0	314.0	78.8
		(389-409)	(298-330)	
7	<i>T. u. pleskei</i> Stegmann, 1926	404.0	322.0	79.7
		(387-415)	(300-340)	
7/9	<i>T. u. pleskei</i> × <i>T. u. major</i>	404.0	322.0	79.7
		(392-418)	(295-345)	
8	<i>T. u. volgensis</i> Buturlin, 1907	399.0	319.4	80.0
		(389-411)	(305-335)	
9	<i>T. u. major</i> C.L.Brehm, 1831	408.3	337.9	82.7
		(380-430)	(250-380)	
10	<i>T. u. aquitanicus</i> Ingram, 1915	367.9	307.7	83.6
11	<i>T. u. cantabricus</i> Castroviejo, 1967	368.2	292.2	79.3
12	<i>T. u. rudolfi</i> Dombrowski, 1912	366.1	288.0	78.6

* – В скобках – вариационный размах.

Из особенностей окраски наибольшее внимание мы уделили рисунку перьев пластрона – признаку, до сих пор не только не подвергнутому специальному анализу, но и вообще ускользнувшему от внимания исследователей при описании окраски глухарей. Между тем, рисунок этих перьев, не экспонирующийся на дневную поверхность и, очевидно, лишённый адаптивного значения, очень показателен в филогенетическом аспекте. У всех самцов *T. u. uralensis* – как молодых, так и взрослых перья пластрона несут струйчатый белый рисунок, имеющий поперечную направленность и расположенный ниже зелёной вершины (рис. 1б). Кроме того, около половины просмотренных

экземпляров имели на этих перьях поперечно-полосатый рисунок в виде одной, редко двух белых полос скобковидной формы, иногда принимающей виды «сердечка», столь характерного для окраски азиатской дикуши *Falci pennis falci pennis* (рис. 1а). Эта полоса бывает особенно хорошо выражена на нижней и боковой партиях перьев пластрона, располагается ниже зелёной вершины и отделена от неё тёмно-бурым промежутком. Этот рисунок одинаков в первом и последующих нарядах и имеется примерно у равного количества птиц (43.7% в первом и 45% в последующих нарядах). Меньшее развитие, а иногда и полное отсутствие струйчатости на перьях с белыми полосами говорит о том, что такой тип окраски принципиально иного плана, чем струйчатость. Если учесть, что у данного подвида всё же бóльшая часть особей такого рисунка не имеет, а у самцов других форм он практически отсутствует, чего не скажешь о струйчатости, то можно предполагать первичный характер такого рисунка перьев пластрона*. Разница в окраске перьев пластрона в первом и последующем нарядах заключается в том, что если струйчатый рисунок есть у всех первогодков, то среди взрослых *T. u. uralensis* некоторые особи отличаются слабым развитием струйчатости, менее густой и имеющейся не на всех перьях пластрона (рис. 1в). Это говорит об определённом регрессе струйчатого рисунка в онтогенезе данной формы.

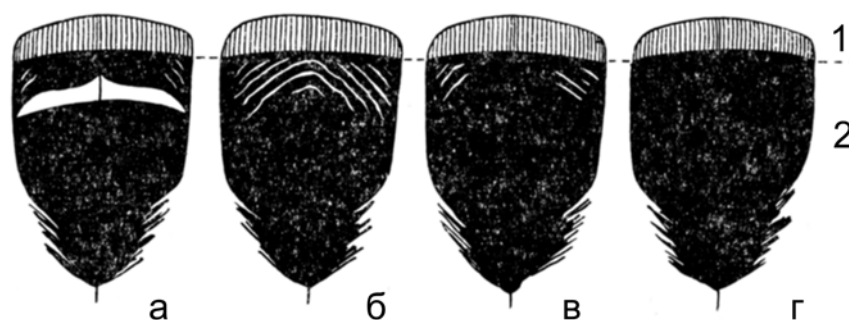

Рис. 1. Типы рисунка перьев пластрона самцов глухаря *Tetrao urogallus*.

1 – открытая часть пера – зелёная вершинная полоса. 2 – часть пера, скрытая налегающими перьями. Остальные объяснения см. в тексте.

У сибирского *T. u. taczanowskii* Stejneger 1885, очень близкого по окраске к предыдущему, но более тёмного и длиннохвостого, развитие струйчатого рисунка в онтогенезе на перьях пластрона прослеживается более чётко. У всех 13 осмотренных экземпляров в первом взрослом наряде он был хорошо выражен на всех перьях пластрона. У 15 же птиц старшего возраста такого чёткого рисунка не встречалось ни у одного: 5 экз. имели не очень густую струйчатость на всех перьях пластрона, у 4 экз. эта струйчатость встречалась примерно на половине

* Такой рисунок найден мной и у молодых камчатских каменных глухарей *Tetrao parvirostris kamtschaticus* Kittlitz 1858.

перьев пластрона и у 6 экз. струйчатости не было вообще (рис. 1г). Эти последние шесть птиц – все без исключения старые самцы, во всяком случае, старше 2 лет. У двух молодых птиц *T. u. volgensis* Buturlin 1907 струйчатый рисунок был распространён почти на все перья пластрона, тогда как у взрослых из 4 экз. этот рисунок был незначительно развит у двух, несколько больше у одного и только у одного – почти на всех перьях пластрона.

У *T. u. obsoletus* Snigirewski 1937 – крупного, длиннохвостого, очень тёмного снизу, но имеющего заметную примесь серого цвета на крыле, струйчатость на перьях пластрона развита ещё меньше. Из осмотренных 12 экз. годовалых птиц у двух струйчатости не было вообще, у одного – не на всех перьях, а из 21 экз. взрослых птиц струйчатость полностью отсутствовала у 16, у 3 она была на небольшой части перьев и только у 2 этот рисунок был на всех перьях пластрона, правда, заметно менее интенсивный, чем у молодых.

У *T. u. pleskei* Stegmann 1926 наблюдается примерно та же картина. Из 3 экз. молодых птиц только у одной струйчатый рисунок был на большинстве перьев пластрона, у остальных он отсутствовал. Среди взрослых – 16 экз. были без струйчатого рисунка и только у 3 птиц умеренно развитый рисунок оказался на большинстве перьев пластрона. У всех самцов ленинградской популяции, переходной по всем признакам между *T. u. pleskei* и *T. u. major* (12 старых птиц и 1 годовок), струйчатости на перьях пластрона нет: перья, как обычно в таких случаях, сразу же за зелёной вершиной окрашены в чёрно-бурый цвет, светлеющий к основанию пера. У *T. u. major* (осмотрено 8 экз. – 7 взрослых и 1 молодой) струйчатости на перьях пластрона нет, за одним исключением (взрослый самец из Эстонии – слабая струйчатость на окраинных перьях). У единственного экземпляра взрослого самца мелкого и тёмного подвида *T. u. rudolfi*, которого мне удалось осмотреть, никакого рисунка на перьях пластрона не было. У самцов *T. u. urogallus* Linnaeus 1758 перья пластрона тёмные (7 взрослых птиц), и чуть выраженная струйчатость есть только на самых боковых перьях. У одного молодого глухаря из северной Швеции, очень близкого по окраске к финскому подвиду, струйчатость охватывает примерно половину перьев, у другого же она выражена, как и у взрослых. У кольского *T. u. lonnbergi* Snigirewski 1957 струйчатости на интересующих нас перьях, как правило, нет, и только в одном случае из шести она оказалась на самых окраинных перьях пластрона. И, наконец, у финского *T. u. karelicus* Lönnerberg 1924 мы видим вновь сравнительно сильное развитие струйчатости. У единственного экземпляра молодой птицы, бывшего в моём распоряжении, струйчатость была хорошо выражена и охватывала половину перьев пластрона. Из 4 осмотренных взрослых птиц у 1 экз. струйчатый рисунок был на всех перьях пластрона, у 2-го –

на значительной части окраинных перьев и у 2 остальных струйчатость затрагивала только самые окраинные перья. Примечательно, что у одного из взрослых экземпляров этого подвида одно из нижних перьев пластрона несёт, хотя и фрагментарно, белый поперечный рисунок, столь характерный для *T. u. uralensis*. Остаток такого же рисунка обнаружен на одном из нижних перьев пластрона взрослого самца из северной Швеции, где, как считает Йогансен, сказывается влияние финского подвида. Этот факт, наряду с другими, подтверждает мнение С.И.Снегиревского об определённой близости *T. u. uralensis* и *T. u. karelicus*.

К сожалению, мне не удалось осмотреть экземпляры глухарей из Кантабрии (*T. u. cantabricus* Castroviejo 1967). У очень тёмного пиренейского глухаря перья пластрона окрашены так же, как и у *T. u. major*, в отношении же более светлого кантабрийского глухаря ничего определённого пока сказать нельзя.

Следует упомянуть, что, в отличие от остальных глухарей, у западных популяций *T. u. major* пластрон имеет фиолетовый, а не зелёный отлив. У восточных популяций этого подвида отлив пластрона зелёный, но более тёмный, чем у остальных подвидов. Поскольку было высказано достаточно аргументированное мнение о том, что зелёный отлив в филогенетическом аспекте древнее синего и фиолетового (Stegmann 1932), подвид *T. u. major* можно считать и по этому признаку наиболее уклонившимся от исходной формы.

В онтогенезе глухарей определённые изменения претерпевает и окраска межлопаточной области, так называемая «перемычка». У взрослых птиц она имеет коричневую окраску с той или иной примесью серого цвета и вместе с окраской крыльев образует коричневую «мантию» самцов. У молодых *T. u. uralensis* коричневый цвет крыльев имеет заметный желтоватый оттенок и сильно испещрён серыми верхушками перьев, а «перемычка» как таковая или вообще отсутствует (у 3 из 11 экз.), или же едва намечена; из 23 взрослых птиц «перемычка» едва намечена у 2, очень слабо выражена у 6, а у остальных она сравнительно узкая, обычно без чётких границ и сильно разбавлена серым цветом. В целом же «перемычка» выражена у *T. u. uralensis* слабее, чем у всех остальных форм. У молодых *T. u. taczanowskii* «перемычка» выражена всё же более чётко – только у 2 из 12 птиц она еле намечена, у 6 в окраске преобладает серый цвет и у 4 она коричневая, хотя и с сильной примесью серого. Из 15 экз. взрослых птиц только у одной в окраске «перемычки» преобладает серый цвет, у остальных же коричневый цвет преобладал над серым и у двух из них «перемычка» была целиком коричневой. Следует отметить, что у молодых глухарей всех форм коричневая «перемычка» не имеет столь чётких границ, как у старых птиц, и диффузно разбросанные коричневые пятна могут рас-

пространяться и на заднюю часть тела и на поясницу. У *T. u. obsoletus* «перемычка» развита несколько лучше, чем у сибирского подвида. Здесь попадаются экземпляры с совершенно чистым коричневым цветом на «перемычке», а у самцов с серым цветом на «перемычке» последний бывает очень тёмного, почти чёрного оттенка. У *T. u. pleskei*, даже у молодых, хоть и редко, коричневая «перемычка» бывает без серого цвета, а среди взрослых число таких экземпляров составляет 27%. У ленинградской популяции экземпляры со сплошь коричневой перемычкой составляют среди взрослых птиц подавляющее большинство (10 из 12), а у остальных примесь серого цвета незначительна. Такая же картина наблюдается и у *T. u. major*, но у молодых птиц на «перемычке» бывает много серого цвета.

У скандинавских подвигов (*T. u. urogallus*, *T. u. lonnbergi* и *T. u. karelicus*) взрослые самцы тоже имеют сплошь коричневую «перемычку», иногда только с небольшой примесью тёмно-серого цвета. И даже у молодых птиц примесь серого цвета бывает очень незначительной.

Менее демонстративно, но тоже примечательно изменение окраски подмышечных перьев. У всех молодых глухарей, за редким исключением, они сплошь белые. У 80% взрослых *T. u. uralensis* они тоже белые, у остальных же на концах самых длинных подмышечных есть чёрное пятно, нередко чуть намеченное. У сибирских глухарей взрослые экземпляры с белыми подмышечными перьями составляют только 30%, у многих экземпляров чёрные пятна очень большие. Далее, мы находим у *T. u. obsoletus* только 10% экземпляров взрослых птиц с белыми подмышечными перьями, у *T. u. pleskei* – 20%, у *T. u. urogallus* – 33%, у *T. u. karelicus* – 50%; у *T. u. lonnbergi* и у *T. u. major* – все экземпляры с чёрными вершинами на подмышечных перьях. Примечательно, что у глухарей с севера Швеции и Финляндии подмышечные перья обычно белые.

Следует остановиться на белых пятнах на наружных опахалах первых второстепенных маховых перьев. Как у молодых, так и у старых птиц эти пятна могут быть и большими, располагаясь на 1-5-м второстепенных маховых, либо едва заметными и только на 1-2-м второстепенных маховых, либо же отсутствовать совершенно. Можно считать этот признак рудиментом существовавшего некогда зеркала на крыле, поскольку у молодых птиц эти пятна встречаются гораздо чаще. У молодых *T. u. uralensis* такие пятна есть всегда, а среди взрослых их имеют по крайней мере две трети птиц. У остальных форм – как среди молодых, так и среди старых особенно такие пятна встречаются заметно реже.

У самцов *T. u. uralensis* – как старых, так и первогодков белые вершины нижних кроющих перьев хвоста обычно крупные и чётко выделяются на чёрном фоне окраски перьев. Но у старых птиц остальных

форм, особенно у западных, пятна эти меньших размеров, испятнаны чёрным и иногда настолько густо, что от белой вершины остаются только два вершинных пятна по краям опахала; нередко вершина становится совсем чёрной.

Суммируя вышеизложенное, мы видим, что у глухарей с возрастом происходит усиление пигментации оперения. Этот же процесс усиления пигментации мы наблюдаем и в однородных возрастных группах в географическом аспекте, по направлению от южноуральской и западносибирской лесостепи к периферии ареала. Усиление пигментации приводит не только к потемнению окраски, но в ряде случаев и к изменению рисунка перьев. Анализ развития ряда признаков в онтогенезе самцов позволяет в целом считать подвид *T. u. uralensis* наиболее близким к предковой форме, в особенности молодых самцов этого подвида в первом взрослом перье. Старые самцы, помимо ряда примитивных черт, несут и признаки определённой специализации окраски, проявляющейся в сильном побелении брюшной части тела. Многие старые самцы становятся совершенно белобрюхими, чего не бывает в первом взрослом наряде.

Принимая южноуральский подвид наиболее близким к предковой форме, мы можем считать, что условия его современного обитания наиболее близки к тем, в которых происходило становление вида. Это, как мы видим, условия континентального климата и нагорной или равнинной лесостепи. Вероятно, уже на первых этапах эволюции вида наметились две основные группы популяций – светлых континентальных и тёмных, обитающих в местах более влажных (ближе к морю, в более увлажняемых горах и т.п.). Современное распространение светлых и тёмных форм, потемнение окраски к периферии ареала, которое наблюдается ныне, в какой-то мере до сих пор отражает первичную ситуацию. Но здесь обращают на себя внимание, во-первых, явное несоответствие в некоторых случаях окраски птиц условиям обитания (тёмные глухари в ультраконтинентальной Якутии) и, во-вторых, отдельные аномалии, проявляющиеся в мозаичном распространении тёмных и светлых форм (Скандинавия). На этих вопросах мы остановимся ниже.

Географические различия в пении глухарей

Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, чёткое различие в брачной песне западноевропейских и остальных глухарей. У первых в песне появляется новый элемент, так называемый «Hauptschlag», «cork-note», «coup-de-bouchon» или «пробка». Почти все эти названия указывают на характер звука – и действительно, он очень напоминает звук, происходящий при откупоривании бутылки. «Пробкой» заканчивается вторая часть песни, «дробь», в которой щелчки, почти сливаясь, следуют

один за другим. Сразу же за «пробкой» следует «точение», та часть песни, во время которой глухарь теряет слух. У восточноевропейских и азиатских форм глухарей этой «пробки» нет, вместо неё между «дробью» и «точением» следует пауза в доли секунды. Обычно «пробка» у старых птиц является наиболее громким звуком токовой песни и слышна на значительно большем расстоянии, чем «дробь» или «точение». И наблюдения в неволе (Marchlewsky 1962), и свидетельства опытных охотников показывают, что у птиц, токующих впервые, «пробка» едва различима, но с возрастом она становится громче, и чем громче и звучнее «пробка», тем больше такой экземпляр глухаря ценится охотниками.

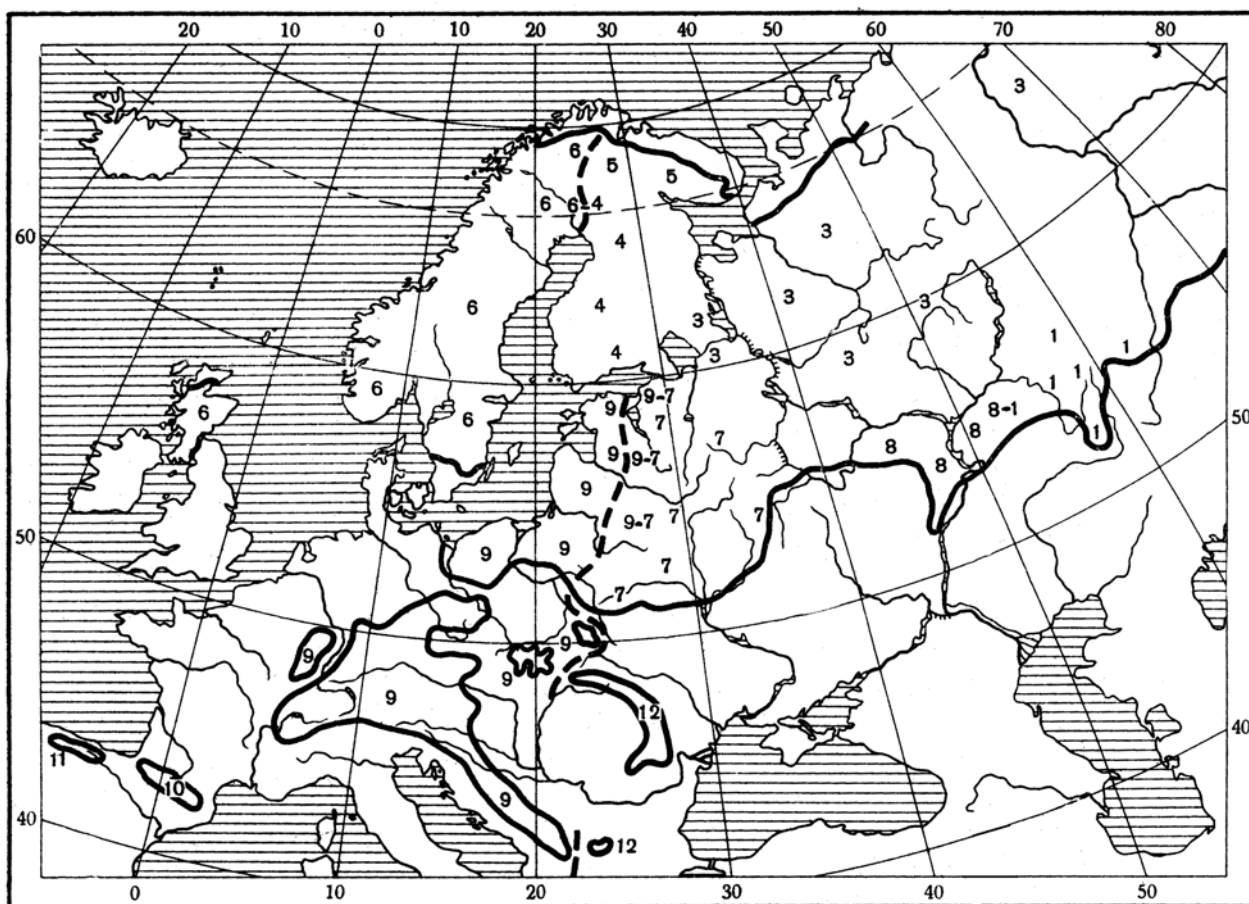

Рис. 2. Современное распространение подвидов глухаря *Tetrao urogallus* в Европе.

Номера, обозначающие подвиды, те же, что и в таблице;
пунктир – граница между популяциями с «западным» и «восточным» типами песни.

Эти различия в пении восточных и западных глухарей были описаны давно (Reutern-Nolken 1901; Sengbusch 1901; Fuchs 1901), а в последнее время А.В.Бобаком (Boback 1960) и А.С.Мальчевским (1969), но полностью распространение западного варианта песни до сих пор не было выяснено. Ряд литературных данных, как и обширная переписка по данному вопросу, позволили мне в общих чертах наметить границу между восточным и западным вариантами песни (рис. 2). На

карте видно, что западный вариант песни свойствен тёмным западным подвидам – *T. u. urogallus*, *T. u. major*, *T. u. cantabricus* и *T. u. aquitanicus*. У всех остальных форм песня более простая, без «пробки», и до сих пор не было обнаружено заметных её вариаций на обширных пространствах от Кольского полуострова и Карпат до Забайкалья.

Обсуждение

Как уже упоминалось, на территории Фенноскандии существуют определённые аномалии в распределении тёмных и светлых форм. Кольский *T. u. lonnbergi*, по окраске более всего напоминающий *T. u. major*, относится к западной, тёмной группе глухарей, хорошо отличаясь от обитающего к югу от него *T. u. karelicus* и от своего восточного соседа *T. u. obsoletus*. Однако ряд отличий от номинального подвида, тоже входящего в западную группу тёмных глухарей и соседствующего с кольским на западе ареала последнего (детали окраски и особенно восточный тип песни кольского глухаря), не даёт нам возможности считать *T. u. lonnbergi* дериватом *T. u. urogallus*.

Финский *T. u. karelicus* определённно тяготеет к *T. u. uralensis* и обитает в окружении более тёмных и длиннохвостых подвигов, ни один из которых, вероятно, не может быть исходным для этой формы. Отсутствие ощутимых ныне экологических барьеров, равно как и особенностей природных условий, которые могли бы обусловить эти случаи, заставляют нас искать объяснения в истории глухарей Скандинавии. Если мы будем трактовать историю заселения глухарями Фенноскандии, исходя из тех данных, которые предлагает классическая ледниковая гипотеза истории плейстоцена, то ход событий должен быть представлен следующим образом. По мере освобождения от ледников Фенноскандия должна была постепенно заселяться глухарями с запада и востока. С запада двигалась тёмная западная форма, самцам которой уже должен был быть свойствен западный тип песни, с востока же или юго-востока – более светлые формы типа *T. u. pleskei* и *T. u. obsoletus*. Эти две волны должны были встретиться где-то севернее Ботнического залива не ранее 7-8 тыс. лет назад.

Такой ход событий вполне приемлем для западной части Скандинавии, но для восточной её части при такой интерпретации возникают непреодолимые трудности. Нам придётся в таком случае предположить, что за голоценовое время из популяций восточных глухарей типа *T. u. obsoletus* и *T. u. pleskei* обособились соответственно *T. u. lonnbergi* и *T. u. karelicus*, причём во втором случае в окраске самцов вдруг проявились некоторые анцестральные признаки, а в первом возник параллелизм с *T. u. major*. Но в голоценовой истории Фенноскандии мы не можем отыскать указаний на существование экологических барьеров или климатических особенностей, которые могли бы способствовать

такому формообразованию. Поэтому нам кажется более вероятным предполагать следующий ход событий.

Поскольку каждая холодная эпоха плейстоцена, сменявшаяся каждый раз последующей тёплой эпохой, коренным образом меняла природную обстановку на севере Евразии, у нас нет возможности без палеонтологического материала углубляться в историю плейстоцена далее последней холодной эпохи вюрма и предшествовавшей её тёплой эпохи (рисс-вюрмское межледниковье). Мы можем предположить, что в тёплую Рисс-вюрмскую межледниковую эпоху Скандинавия, как и остальная Западная Европа, была населена тёмной формой глухарей, но эти глухари ещё имели примитивный, восточный тип песни. Современный кольский подвид, видимо, является прямым потомком этой первичной тёмной формы, пережившим на месте холодную эпоху вюрма. В вюрмскую эпоху горы северной и центральной Скандинавии, несомненно, перенесли значительное оледенение, вытеснившее, надо полагать, леса (и глухарей вместе с ними) из этой части страны. Вслед за окончанием вюрма, вместе с потеплением, западные глухари, определённым образом за это время изменившиеся, усложнившие свою песню, вновь заселили горную Скандинавию, встретившись у Варангер-Фьорда с кольской популяцией, сохранившей в основном свой довюрмский облик и пережившей эту эпоху на месте, в стороне от подвергшихся оледенению высоких Скандинавских гор.

Вюрмское похолодание, изгнав глухарей из горной части Скандинавии, одновременно должно было способствовать более широкому распространению светлых континентальных форм типа *T. u. uralensis*. Мы не можем, подобно С.И.Снигиревскому и Иогансену, считать *T. u. uralensis* реликтом последнего, рисс-вюрмского межледниковья, поскольку климат последнего, как известно, был гораздо теплее и влажнее современного, а это никак не могло благоприятствовать широкому распространению континентальных форм. В дальнейшем, в голоцене, какие-то причины (возможно, раннеголоценовая трансгрессия, в результате которой возникло Беломорско-Балтийское соединение) помешали растворению этой расы в волне тёмных популяций глухарей, распространявшейся в тёплый атлантический период с юго-запада на северо-восток. Увлажнение и потепление климата в Фенноскандии в голоцене не могло не вызвать некоторого потемнения окраски финского подвида, но не настолько сильного, чтобы затушевать некоторые анцестральные черты.

Различные типы песни у восточных и западных рас глухарей позволяют сделать ещё два важных предположения. Тёмный подвид *T. u. rudolfi*, населяющий Карпаты и по особенностям своей окраски несомненно относящийся к западной группе тёмных подвидов, тем не менее имеет восточный тип песни. Как и в случае с *T. u. lonnbergi*, мы

вправе предполагать, что эта форма обособилась от предковой западной формы ещё до того, как у последней выработался усложнённый «западный» тип песни, и с тех пор не вступала с ней в сколько-нибудь длительные контакты. В таком случае возраст подвида будет не моложе, чем у кольского *T. u. lonnbergi*, и время его обособления также падает на вюрм.

Сам факт существования двух типов песни говорит о сравнительно недавно существовавшем разделении глухарей на две группы – восточную и западную. Примечательно, что граница между популяциями с западным и восточным типами песни часто определяется отнюдь не современными экологическими барьерами. В таких случаях граница эта является просто фиксацией места встречи двух групп глухарей после заселения ими какого-то хиатуса, игравшего роль барьера. Сравнительно неширокая полоса взаимопроникновения в зоне контакта говорит об относительно недавней встрече восточных и западных глухарей, происшедшей, видимо, только в голоценовое время. И если на севере Скандинавии изолирующим фактором являлись вюрмские ледники, то для Средней Европы в качестве такого фактора вполне можно принять и трансгрессии, особенно появившиеся в прибалтийских областях, и степные пространства, получившие в вюрмскую эпоху широкое распространение. Конечно, было бы довольно легко объяснить существовавшее разделение глухарей гипотетическим вюрмским ледником, достигавшим центральной Белоруссии. Однако существование оледенения таких размеров делает необъяснимым происхождение подвигов *T. u. karelicus* и *T. u. lonnbergi*.

Более определённо можно судить о времени разделения западной группы на три подвида – *T. u. urogallus*, *T. u. major* и *T. u. aquitanicus*. Это произошло уже после того, как у родоначальной расы выработался тип песни. Сухопутная связь между южной Скандинавией и средней Европой, существовавшая во времени «Анцилового озера», прервалась 5-6 тыс. лет назад, поэтому номинальный подвид вряд ли старше этого возраста, хотя разрыв мог только закрепить наметившиеся ранее различия. Изоляция пиренейского подвида произошла, видимо, раньше. Ещё раньше обособился *T. u. cantabricus*. Выработка нового типа песни у западных глухарей могла произойти не ранее начала вюрмской эпохи и не позднее времени «Анцилового озера».

Литература

- Мальчевский А.С. 1969. О географических отличиях в песне глухаря // *Охота и охот. хоз-во* 7: 24-25.
- Снигиревский С.И. 1946. *Тетеревиные СССР*. Л.: 1-411 (дис., рукопись. Архив Зоол. ин-та АН СССР).
- Voback A.F. 1966. *Das Auerhuhn*. Luterstadt: 1-118.

- Fuchs R. 1901. Der Hauptschlag des Auerhahns // *Baltische Waidmansbl.* 1, 7: 131.
- Johansen H. 1957. Rassen und Populationen des Auerhuhns (*Tetrao urogallus*) // *Vil-trevy* 1, 3: 233-266.
- Marchlewski J.H. 1962. Gluszec // *Studia Soc. Sci. Torunensis. Ser. E (Zool.)* 6, 3: 1-39.
- Reutern-Nolken 1901. Einige vergleichende Bemerkungen zur Balz des Auerhuhnes // *Baltische Waidmansbl.* 1, 1: 101-104.
- Sengbusch H. 1901. Zu: wo befindet sich die geographische Grenze des Hauptschlages // *Baltische Waidmansbl.* 1, 18: 355.
- Stegmann B.K. 1932. Die geographischen Formen des Birkhuhns (*Lyrurus tetrix*) // *J. Ornithol.* 80, 3: 342-354.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 660: 1060-1064

Материалы по биологии птиц Теджена (южная Туркмения)

К.А. Воробьёв

Второе издание. Первая публикация в 1980*

Весной 1967 года мы проводили орнитологические исследования по реке Теджен, на границе с Ираном. Река протекает среди пустынного ландшафта; своё начало она берёт в горах Афганистана, где носит название Герируд. На территории Советского Союза Теджен течёт в северном направлении и, входя в пустыню Каракумы, разветвляется на несколько рукавов, постепенно пропадая в песках. Вдоль Теджена узкой прерывистой полосой тянутся тугайные леса, состоящие из разнолистного тополя. К тугаям примыкают заросли тамарикса, достигающие иногда значительных размеров, и заросли колючего кустарника деревзы *Lycium turcomanicum*.

Casarca ferruginea. 2 июня 1967 на озере (старица реки) встретили мы выводок огарей, состоящий из утки и 10 утят в возрасте примерно 10-12 дней.

Neophron percnopterus. В 20-х числах мая стервятники сидели на гнёздах, расположенных в недоступных нишах на отвесных глинистых обрывах, спускающихся к пойме Теджена.

Phasianus colchicus principalis Sclater, 1885. Фазан принадлежит к довольно обыкновенным гнездящимся птицам Теджена. Их характерный крик постоянно приходилось слышать, особенно интенсивно они кричат по утрам. Этот год для фазанов был здесь очень тяжёлый. Из-за высокого уровня воды в реке тугай и кустарниковые заросли были

* Воробьёв К.А. 1980. Материалы по биологии птиц Теджена (южная Туркмения) // Орнитология 15: 194-196.

в значительной степени затоплены, а так как это совпадало с гнездовым периодом, то большое количество гнёзд погибло. К счастью, подобные весенние паводки случаются здесь сравнительно редко и численность фазанов быстро восстанавливается.

Lobivanellus indicus aignerii (Laubmann, 1913). По среднему течению Теджена индийский украшенный чибис не представляет редкости. В мае мы постоянно встречали здесь гнездящиеся пары этих красивых птиц. Однажды мы наблюдали, как пара индийских чибисов с криком напала на пролетевшего коршуна *Milvus migrans*.

Streptopelia turtur arenicola Hartert, 1894. По Теджену эта горлица очень многочисленна. Она гнездится здесь не только в тугаях, но и среди совершенно открытого пустынного ландшафта, помещая свои гнёзда на кустиках тамарикса или дерезы. По нашим наблюдениям, весной 1967 года кладка яиц у данного вида началась здесь в первой половине мая. В это время у большинства птиц в гнёздах было по одному яйцу. Поражает крайняя лёгкость и примитивность гнезда; вся постройка состоит лишь из немногих сухих тонких веточек, небрежно положенных на сучья дерева или куста. Приходится удивляться, как яйца, а впоследствии птенцы держатся в этом столь несовершенном сооружении.

Athene noctua bactriana Blyth, 1847. Обыкновенная гнездящаяся птица в пустыне по Теджену. Пустынные сычи так же, как сизоворонки *Coracias garrulus*, скалистые голуби *Columba rupestris* и белобрюхие стрижи *Apus melba*, селятся в норах по обрывам.

18 мая 1967 нами был пойман вылетевший из гнезда, но ещё почти не лётный, несмотря на довольно хорошо развитые маховые, молодой сыч. По земле он передвигается очень быстро и уверенно, делая по несколько больших прыжков. Яркое солнце, по-видимому, не мешало сычу хорошо видеть.

Caprimulgus europaeus sarudnyi Hartert, 1912. Козодой принадлежит к гнездящимся птицам Теджена. 15 мая среди солончаковой равнины с чахлой растительностью, состоящей из сухих кустиков верблюжьей колючки и пустынного овса, мы нашли гнездо козодоя с двумя яйцами, лежащими на земле без всякой выстилки, причём одно яйцо было уже проклёвано. Самка сидела на гнезде.

Scotocerca inquieta platyura (Severtzov, 1873). Скотоцерка – одна из наиболее обычных и характерных гнездящихся птиц изучаемого района. Она встречается здесь среди кустарниковых зарослей поймы Теджена, а также в прилежащей пустыне. 16 мая на опушке тугаев мы нашли гнездо скотоцерки. Оно помещалось в изолированной куртинке, на сухом кустике, среди густой поросли тростника (как сухого, так и зелёного) на высоте 80 см. Гнездо по сравнению с размером птицы представляет весьма большое сооружение, несколько удлинённой

формы, закрытое сверху, с маленьким лётным отверстием (3×3.5 см), обращённым на север. Основным материалом служат тончайшие сухие стебельки, лубяные волокна и растительная ветошь; внутри оно выложено огромным количеством перьев и пуха, среди которых много перьев фазана. В гнезде было 6 сильно насиженных яиц (большой зародыш с эмбриональным пушком на голове). Гнездо оказалось брошенным. Основной фон яиц белый, по нему разбросаны коричневатые пятнышки и точки, гуще сконцентрированные на тупом конце. Размеры яиц следующие, мм: 11.6×14.7, 11.6×15.1, 12.0×15.9, 12.0×16.0, 12.1×15.9. Первый выводок скотоцеров отмечен нами 21 апреля.

Agrobates galactotes familiaris (Ménétries, 1832. Тугайный соловей весьма обыкновенен, встречается как в пойме рек, так и в прилегающей пустыне. В гнезде, найденном нами среди обширной заросли тамарикса 22 мая, было 4 яйца. Оно помещалось на земле, у основания куста тамарикса, и было прикрыто сверху зелёными веточками полыни. Гнездо было сделано из сухих стебельков и растительной ветоши. Лоточек выложен шерстью. Размер гнезда 7×7.5 см, глубина лоточка 5.5 см. Самка сидела на гнезде. Второе гнездо было найдено 23 мая; в нём оказалось 5 яиц.

Hypocolius ampelinus. В Советском Союзе первые экземпляры свиристелевого сорокопуга наблюдались и были добыты 14 мая 1960 в южной Туркмении, в долине реки Теджен (Флинт 1961, 1962). В 1967 году нам также пришлось наблюдать здесь этих замечательных птиц. Вечером 21 мая в Наурзабаде (40 км к югу от Серахса), услышав незнакомый нам голос, мы увидели перелетавших по колючим кустикам дерезы двух свиристелевых сорокопугов. Своей своеобразной окраской и сравнительно длинным хвостом они хорошо отличались от всех птиц нашей фауны. Их голос во время полёта – короткая мелодичная трель, несколько напоминающая крик золотистой щурки *Merops apiaster*, но более мягкий. Надо заметить, что только накануне на кустах дерезы появились первые красные ягоды, представляющие в это время основную пищу свиристелевых сорокопугов.

Через день excursionируя близ реки Теджен, в полупустыне, поросшей кое-где кустами тамарикса и дерезы, мы встретили ещё пару этих птиц, которые также держались на кустах дерезы. Одна из птиц слетала на землю, а затем снова садилась на вершину куста, по-видимому, высматривая добычу (насекомых), как это делают сорокопуги. Через некоторое время нам удалось добыть самца.

Размеры добытого экземпляра следующие, см: длина тела 25.5, крыло 10, хвост 11.5, плюсна 2.6. Рулевых 12. На голове слабо выраженный хохол. Ноги и когти светлые, плюсна чуть розоватая. Глаза тёмные. Клюв чёрный. Семенники хорошо развиты, достигают 9 мм. В желудке ягоды и семена дерезы.

Надо отметить, что половой диморфизм у данного вида выражен довольно хорошо. Самка отличается от самца отсутствием чёрного цвета на голове. Чёрная полоска на конце рулевых у самки выражена очень слабо. Вершины больших маховых не окрашены в белый цвет. Чисто серый и розовато-винный цвета, столь характерные в оперении самца, почти совершенно отсутствуют у самки. Лучшее цветное изображение свиристелевого сорокопуга помещено в книге «Птицы мира» (Oliver L. 1961. *Birds of the World*. New York).

Свиристелевый сорокопуг – большая редкость в коллекциях. Достаточно сказать, что даже в крупнейших наших хранилищах – в Зоологическом институте АН СССР в Ленинграде, в Зоологическом музее Московского университета и в коллекции географического факультета Московского университета – есть только 5 экземпляров этого вида:

1. Месопотамия (Ирак), 3 мая 1914. Нестеров.
2. Южная Туркмения, Теджен, 14 мая 1960. Флинт.
3. Южная Туркмения, Теджен, 14 мая 1960. Флинт.
4. Южная Туркмения, Теджен, 22 октября 1960. Флинт.
5. Река Кушка, у посёлка Моргуновский, 4 мая 1966. Чунихин.

Что касается систематического положения *Hypocolius ampelinus*, то оно ещё не получило окончательного решения. Мы вполне разделяем взгляд В.Е.Флинта (1962) на выделение этого вида в отдельное монотипическое семейство Hypocoliidae.

Passer ammodendri korejewi Zarudny et Härms, 1902. В тугаях Теджена саксаульный воробей не представляет редкости, но в гнездовой период его можно встретить только там, где есть дуплистые деревья. 3 июня 1967 мы нашли гнездо, сделанное в дупле разнолистного тополя на высоте 3.5 м. Самец и самка выкармливали птенцов.

Rhodospiza obsoleta. Пустынный вьюрок – одна из наиболее обычных гнездящихся птиц в тугаях Теджена. По нашим наблюдениям, у них бывает две кладки в течение лета. 14 мая мы наблюдали вылетевших из гнезда птенцов этого вида, которые уже немного летали, но были с короткими хвостами. Среди большого количества гнёзд пустынного вьюрка, найденных нами здесь во второй половине мая, в одних были яйца, в других – птенцы на разных стадиях развития – от только что вылупившихся до уже оперившихся и готовых к вылету. Строительство некоторых гнёзд было закончено, но кладка яиц ещё не началась. Полная кладка содержит от 2 до 6 яиц, однажды было найдено гнездо с 7 яйцами. Гнёзда пустынного вьюрка обыкновенно располагаются на разнолистном тополе на высоте до 3 м, а также на кустах тамарикса или дерезы.

Литература

Флинт В.Е. 1961. Свиристелевый сорокопуг – новый род и вид птиц в фауне СССР // *Бюл. МОИП*. Нов. сер. Отд. биол. **66**, 1: 127-129.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 660: 1064-1068

Свиристелевый сорокопут *Nucocolius ampelinus* в СССР

В.Е.Флинт

Второе издание. Первая публикация в 1962*

Впервые на территории СССР три свиристелевых сорокопута *Nucocolius ampelinus* Bonaparte 1850 добыты 14 мая 1960 в Серахском районе Туркменской ССР. Второй раз эта птица нами встречена 22 октября 1960 в окрестностях Наурзабада, в 20 км южнее Даулятабада, где свиристелевые сорокопуты были встречены весной. Поскольку первое сообщение о находке свиристелевого сорокопута (Флинт 1961) носит предварительный характер, редакция «Орнитологии» сочла целесообразным опубликовать развёрнутый очерк, базирующийся на изучении добытых экземпляров и анализе литературы.

Первая встреча со свиристелевым сорокопутом произошла вечером 13 мая 1960. Возвращаясь в лагерь, мы встретили в зарослях колючих кустарников на краю арыка двух незнакомых птиц. Темнота не позволила ни рассмотреть, ни добыть их. Утром 14 мая после недолгих поисков удалось снова встретить этих птиц. На этот раз три особи были добыты. Кроме того, в течение дня удалось неоднократно наблюдать птиц в полёте и во время кормёжки на кустах. За день было отмечено около 50 экземпляров. Все птицы держались парами, часто образуя группы из 2-3 пар. Самец всегда держался рядом с самкой и слетал при приближении человека только вслед за ней. Один раз мы видели стайку из 16-18 особей, которая, не присаживаясь, пролетела на довольно большой высоте с юга на север, по течению реки Теджен. 15 и 16 мая, несмотря на усиленные поиски, удалось увидеть только по одной паре. 17 мая свиристелевые сорокопуты исчезли. Однако 21 мая Н.И.Кудряшова снова встретила эту птицу уже в 40 км к северу, тоже в долине Теджена. Таким образом, наблюдалась типичная картина весеннего пролёта, которому предшествовала разбивка на пары.

Вскрытие добытых экземпляров показало полную готовность птиц

* Флинт В.Е. 1962. Свиристелевый сорокопут в СССР // *Орнитология* 4: 186-189.

к размножению: семенники самцов достигали 10 мм в длину, яичники самок были хорошо развиты (наибольшие фолликулы достигали размеров конопляного зерна). Всё это позволяло с большой осторожностью говорить о возможности гнездования этой птицы на территории СССР.

Однако осенью, 22 октября 1960, стайка из 9 свиристелевых сорокопутов была снова встречена примерно в том же районе и в тех же условиях. Добытая птица оказалась взрослым самцом в свежем перье. Если учесть, что в течение всего лета свиристелевых сорокопутов здесь определённо не было, легко допустить, что вторая встреча произошла во время осеннего пролёта на юг. В таком случае вероятность гнездования свиристелевого сорокопута в данном году где-то по тугаям в нижнем течении Теджена почти реальна. То обстоятельство, что южная Туркмения в разное время посещалась многими орнитологами, ни разу не встретившими свиристелевого сорокопута, позволяет предполагать, что в данном случае имел место массовый залёт, подобно известным инвазиям саджи *Syrrhaptes paradoxus* в Европу.

Последнее предположение подтверждается и современными сведениями о географическом распространении свиристелевого сорокопута. На гнездовье свиристелевый сорокопут достоверно известен только в Ираке, по долинам Тигра и Еврата от Мосула до Басры, в районе Багдада, Фао и Амара (Allouse 1953; Meinertzhagen 1954). Весьма обоснованы предположения о гнездовании его в южных частях Афганистана (Paludan 1959). Во внегнездовое время он отмечен в южном Иране, Белуджистане, в Аравии (район Мекки), известны единичные залёты в Индию (до Бомбея), ОАР (до Гебель Эльбы) и Эритрею (MacWorth-Pread, Grant 1955; Cave, MacDonald 1955; Vaurie 1959). Таким образом, дальние кочёвки свойственны этой птице вообще. Находка в Туркмении отстоит примерно на 600 км от мест ближайших встреч свиристелевого сорокопута (южный Афганистан).

Везде в пределах своего ареала свиристелевый сорокопут придерживается древесных насаждений (Meinertzhagen 1954). Нам удалось наблюдать его только в густо поросшей колючими кустарниками и пересечённой сетью оросительных арыков речной долине, причём птицы держались исключительно зарослей дерезы *Lucium turcomanicum*. Ягоды этого растения, видимо, и составляют его единственную пищу в негнездовой период – желудки и пищеводы добытых птиц были буквально набиты ими. О гнездовой жизни свиристелевого сорокопута известно очень мало. По литературным данным (Hartert 1910), гнездовой период длится с мая по июль. Открытые рыхлые гнёзда строятся на деревьях или кустарнике на высоте от 3 до 15 футов. Лоток гнезда выстлан мягкой травой, шерстью и волосом. В кладке 4-5 остроовальных, блестящих, белых с голубовато-серым рисунком яиц, очень похожих на яйца сорокопутов.

Внешний облик свиристелевого сорокопута совершенно своеобразен. Несколько напоминая величиной и общим планом окраски черноголового сорокопута, он в то же время отличается не только от сорокопутов, но и от всех вообще птиц нашей фауны своими характерными манерами и голосом. В полёте бросается в глаза общая вытянутая форма тела, причём крылья кажутся непропорционально маленькими из-за длинного хвоста. Полёт прямой, не волнистый и не «ныряющий». При посадке на кустарники птицы на несколько секунд задерживаются на самых верхних ветвях, а затем проворно исчезают в глубине куста, где рассмотреть их почти невозможно. Поведение их в это время очень напоминает повадки тимелий. Лазая по кустам или взлетая на их верхушки, чтобы осмотреться, свиристелевые сорокопуты поднимают оперение на голове, так что даже издали виден хохол, хотя и меньший, чем у свиристеля *Bombycilla garrulus*. В кустах птицы постоянно находятся в движении, ни разу мы не видели их сидящими неподвижно, что характерно для сорокопутов. Также не пришлось наблюдать типичного для сорокопутов подёргивания хвостом в горизонтальной плоскости. При взлёте хорошо заметны чёрная полоса на хвосте, чёрный цвет на голове и яркие белые пятна на крыльях у самцов. Птицы подпускают наблюдателя сравнительно близко, но рассмотреть и добыть птицу трудно. Голос свиристелевого сорокопута очень своеобразен. В полёте он часто издаёт короткую, довольно мелодичную трель, напоминающую смягчённый голос золотистой щурки *Merops apiaster*. Лазая по кустам, птицы беспрестанно перекликаются визгливым криком, который можно приблизительно передать слогами «*нуу!*» или «*тяу!*», причём тембр и тональность постоянно меняются.

Окраска свиристелевого сорокопута не менее своеобразна, чем его манеры и голос. При общем «пустынном» тоне оперения отдельные участки окрашены контрастно в чёрный и белый цвет. У самца темя, спина, грудь, поясница и надхвостье тёмно-серые, горло, брюхо и подхвостье розовато-палевые, от клюва через глаз, ухо и затылок проходит чёрная полоса, образующая между глазом и ухом чуть серебристое пятно неправильной треугольной формы. Рулевые тёмно-серые с широкой чёрной концевой полосой. Самка отличается несколько меньшими размерами, а также отсутствием чёрного цвета на голове. Общий тон её оперения серовато-палевый, горло розовато-палевое. Концевая полоса на хвосте почти не выражена.

Маховые у всех трёх добытых самцов окрашены по-разному. По видимому, здесь, кроме возрастной, сказалась и индивидуальная изменчивость. Есть указание (Hartert 1910), что молодые птицы по окраске оперения сходны с самкой. Если принять за конечный этап формирования окраски маховые самца № 1 (14 мая 1960, перо слегка обношено), а за начальный этап (в первом приближении) маховые самки

№ 3)14 мая 1960, перо слегка обношено), то маховые двух остальных самцов (№ 4, 22 октября 1960, свежее перо и № 2, 14 мая 1960, сильно обношенное перо), с известными допущениями, составят промежуточные звенья возрастной изменчивости окраски. Вероятно, исходная окраска оперения молодых самцов отличается от таковой самки сильнее, нежели предполагается. В противном случае необходимо было бы допустить, что нормальная окраска маховых у самцов появляется только в возрасте 4 лет. Последнее вряд ли вероятно у воробьиных птиц вообще. Если же считать, что самец № 2 имеет возраст около года и смены маховых первого послегнездового наряда у него не было, то это противоречие отпадает. Серьёзным доводом в пользу данного предположения является то, что второстепенные маховые у него в большинстве сходны с таковыми самки, а два (5-е и 7-е) сменились на серые, сходные со второстепенными маховыми более старых самцов. Об этом же говорит исключительно сильно обношенное перо. Насколько велика индивидуальная изменчивость, сказать трудно. Но возможно, что отдельные детали, отличающие окраску маховых у самцов №№ 3 и 4, являются следствием именно этого явления.

Таким образом, нам кажется, что окончательную окраску маховых самцы приобретают в возрасте 2, в крайнем случае 3 лет.

Формула крыла $1 < 2 \geq 3 > 4 > 5 > 6$ и т.д. Длина крыла самцов 101-103 мм, самки 99 мм. Хвост слабоступенчатый. Клюв у весенних самцов свиристелевого сорокопута чёрный, у самки и осеннего самца подклювье светло-бурое. Надклювье имеет слабо выраженную вырезку. Основание клюва широкое и весь он заметно сжат в горизонтальной плоскости. Волосовидных щетинок в углах рта нет.

Систематическое положение свиристелевого сорокопута в высшей степени загадочно. Различные авторы в разное время сближали его со свиристелями, сорокопутами, скворцами, тимелиями, личинкоедами, дроздами, чеканами и некоторыми другими семействами. И сейчас спор о положении этого вида в системе не решён. Hartert (1910) относит его к сорокопутам. Это мнение в настоящее время, однако, никем, кроме Meinertzhagen (1954), не разделяется, и, как нам кажется, не без основания. Большинство современных авторов (Allouse 1953; Paludan 1959; Vaurie 1959; и мн. др.) включают свиристелевого сорокопута в семейство свиристелей. Действительно, если проанализировать ряд морфологических и экологических признаков, легко заметить его сходство со свиристелями. Широкий, несколько уплощенный у основания клюв, отсутствие щетинок в углах рта, наличие хохла, мягкое, рыхлое оперение, питание мякотью ягод, характер полёта, склонность к образованию стаяк – всё это указывает на близость свиристелевого сорокопута к свиристелям. Однако решить, имеет ли это сходство генетические корни или явилось следствием конвергенции, без длительного и

полного морфологического анализа пока не представляется возможным. Ведь ряд не менее важных признаков, входящих в основной диагноз семейства свиристелей, у свиристелевого сорокопуга отсутствует. Здесь прежде всего надо указать на длинный хвост, резкую возрастную изменчивость, половой диморфизм, окраску яиц, манеру лазить по кустам и некоторые другие признаки. Но, конечно, и здесь, может быть, мы имеем дело лишь с конвергенцией. Во всяком случае среди огромного количества африканских и палеарктических сорокопугов нет ни одного, близко и во всём похожего на свиристелевого сорокопуга. Заметим, что имеющиеся в литературе (Meinertzhagen 1954; Cave, MacDonald 1955) изображения свиристелевого сорокопуга в высшей степени неудачны. Чувствуется, что художник ни разу не наблюдал живую птицу.

Наиболее правильно, на мой взгляд, выделение свиристелевого сорокопуга в отдельное монотипическое семейство *Hypocoliidae*, как это делают MacWorth-Pread, Grant (1955), Cave, MacDonald (1955) и некоторые другие. Во всяком случае, это можно рассматривать как временное решение в ожидании новых, более веских аргументов.

Подчёркнутое мной сходство с сорокопугами и свиристелями в соединении с латинским видовым названием (*Ampelidae* – старое название семейства свиристелей, Hartert 1910) дало мне основание предложить для этой новой в нашей фауне птицы русское название «свиристелевый сорокопуг».

Добытые на территории СССР экземпляры свиристелевого сорокопуга хранятся в Зоологическом музее и в коллекции кафедры биогеографии географического факультета Московского университета.

Литература

- Флинт В.Е. 1961. Свиристелевый сорокопуг – новый род и вид птиц в фауне СССР // *Бюл. МОИП. Нов. сер. Отд. биол.* **66**, 1: 127-129.
- Allouse В.Е. 1953. *The Avifauna of Iraq*. Baghdad.
- Cave F.O., MacDonald J.D. 1955. *Birds of the Sudan*. London.
- Hartert E. 1910. *Die Vögel der palaearktischen Fauna*. Berlin, 1.
- MacWorth-Pread C.W., Grant C.H.B. 1955. *Birds of Eastern and North-eastern Africa*. London; New York.
- Meinertzhagen R. 1954. *Birds of Arabia*. Edinburg; London.
- Paludan K. 1959. *On the Birds of Afghanistan*. Kobenhayn.
- Vaurie Ch. 1959. *The Birds of Palearctic Fauna*. London.

Беркут *Aquila chrysaetos* на Западном Алтае

Б.В.Щербаков

Борис Васильевич Щербаков. Союз охраны птиц Казахстана, проспект Ушанова, д. 64, кв. 221, г. Усть-Каменогорск, 492024. Казахстан. E-mail: biosfera_npk@mail.ru

Поступила в редакцию 1 июня 2011

Беркут *Aquila chrysaetos kamtschatica* (Severtzov, 1888) – редкий гнездящийся вид горно-таёжной части Западного Алтая (Сушкин 1938; Селевин 1935; Корелов 1962). Чаще встречается по горно-степным отрогам Ульбинского хребта, прилегающим к Иртышу между Усть-Каменогорском и устьем реки Бухтармы, где имеются поселения сурка *Marmota baibacina*. Однако в сильно освоенных предгорьях Алтая в долине Иртышу между устьями Ульбы и Убы во второй половине XX века беркут определённо не гнезился. В горных районах этот орёл наблюдается в широких речных долинах и в альпийском поясе, вероятно, гнездясь в скалах у верхней границы леса в урочищах, где ещё сохранились сурки. В связи с тем, что сурчиные колонии уже в 1970-1980-х годах были сильно истреблены, в высокогорье беркут встречался крайне редко и спорадично – в среднем 1 пара на 50 км. На зиму в горной тайге эти птицы не остаются из-за крайне суровых условий и многоснежья и уже в ноябре откочёвывают из мест гнездования. Случаи зимовок беркута в предгорной части редки. Так, 23 февраля 1983 одного орла видели в ущелье Малой Ульбы у села Горная Ульбинка (Щербаков, Кочнев 1986), а 25 января 1982 ослабевших от голода беркутов видели на скотомогильниках в окрестностях Усть-Каменогорска (Мякшевеев 1986).

Весеннее появление одиночных беркутов в Ульбинских горах у города Усть-Каменогорска отмечалось 13 марта 1971 и 29 марта 1974. Пара беркутов 26 марта 1971 наблюдалась в ущелье Громотухи у Лениногорска (Риддер). В этом же году одиночный пролетал 18 апреля над долиной речки Быструхи у Лениногорска. Все отмеченные в это время года орлы продвигались в восточном направлении. В западных отрогах Ульбинского хребта охотящихся одиночек наблюдали 30 апреля 1971, в горах у села Горная Ульбинка – 13 марта 1971 и у села Ермаковка на Усть-Каменогорском водохранилище – 3 мая 1979. Здесь же 18 мая 1964 беркут подбирал с поверхности воды снулую рыбу. Другого видели 27 мая 1971 на побережье этого же водохранилища у посёлка Октябрьский. Пара этих орлов 28 июня 1969 кружила над горами у села Мякотиха. В южных отрогах Ульбинского хребта 20 июля 2001 двух беркутов наблюдали в окрестностях села Васильевка и оди-

ночку – у посёлка Первороссийский (Рубинич, Березовиков 2001). В отрогах этого же хребта одиночек встречали 22 и 24 августа 1977 у сёл Ново-Бухтарма и Северное, 10 мая 1977 в гранитных горах у посёлка Октябрьский (Березовиков и др. 2000).

Единственное гнездо беркута с двумя хорошо оперёнными птенцами было обнаружено мной 12 августа 1966 в западных предгорьях Ульбинского хребта около Усть-Каменогорского водохранилища, недалеко от железнодорожной станции Бахарево. Устроено оно было на уступе небольшой скалы остепенённого склона с глубокими логами, заросшими древесно-кустарниковой растительностью. В гнезде находилась недоеденная тушка алтайского сурка *Marmota baibacina*. При приближении к гнезду старший птенец мягко спланировал в ущелье, однако снова подняться не смог.

Молодой беркут, следующий за взрослым и требующий у него корма, наблюдался 28 августа 1971 в отрогах Ульбинского хребта в 6 км восточнее Усть-Каменогорска. В этих же горах у села Феклистовка 5 сентября 1978 охотниками добыт молодой беркут, у которого ещё не до конца развернулись пеньки маховых и рулевых (Березовиков 1986).

В горно-таежной части района на Ивановском хребте, в районе вершин «Три брата» и урочища «Медвежья тропа» (2500 м н.у.м.) одиночные беркуты наблюдались 26 мая 1972 и 24 июня 1971. На Проходном белке (Ивановский хребет, 2200 м) 23 августа 1969 видели кружившуюся пару и пролетающих 3 одиночных беркутов. Над долиной речки Быструхи, покрытой хвойными лесами (700 м н.у.м.), примерно в 10 км восточнее Лениногорска, 10 сентября 1970 и 14 июня 1972 наблюдались две парящих одиночки. В 1972-1989 годах пары и одиночки в гнездовое время неоднократно наблюдались над Райской долиной у истоков Белой и Черной Убы (Щербаков, Березовиков 2005, 2007), а также в бассейнах Большого и Малого Тургусуна на высоте 2200-2500 м над уровнем моря. По тундровому водоразделу Ивановского хребта между истоками Палевой и Белой Убы 11-15 августа 1983 было учтено 5 беркутов на площади 75 км² (Щербаков, Кочнев 1986). В районе Чёрного Узла орлы явно выслеживали сурков, поселения которых встречались по осыпям южных экспозиций водораздела. Гнёзд беркута в таёжной и высокогорной частях Западного Алтая до сих пор найти так и не удалось. Наиболее поздняя встреча у Лениногорска – 8 ноября 1980, когда на этих высотах уже установился постоянный снежный покров.

За последние два десятилетия численность беркута в Западном Алтае и сопредельных ему территориях заметно сократилась. Тенденция эта продолжается и сейчас. Основным фактором, подрывающим их численность, является возросший интерес к возрождению традиций национальной охоты с ловчими птицами. Началось это с первых лет

после развала Союза, когда активизировалось разорение гнёзд с целью изъятия птенцов для воспитания, а также для продажи состоятельным людям. Хотя следует отметить, что большого спроса на беркутов среди жителей сёл и городов для охоты не было, и птенцы, которых содержать оказалось невозможным, просто погибали. Помимо этого, в связи с возросшим числом собственных автомобилей и частыми выездами горожан в горы, участился браконьерский отстрел беркутов, сидящих по придорожным столбам ЛЭП. Усиленный отстрел и вылов сурков в местах их обитания, приведшие к сокращению численности популяций этого зверька, также негативно отразилось на численности беркута – и не только на степной окраине района исследования, но и высокогорных района Алтая. В результате численность этого и так малочисленного вида заметно снизилась. После 2000 года каждая встреча беркута в местах его бывшего обитания на Западном Алтае – большая редкость.

Литература

- Березовиков Н.Н., Самусев И.Ф., Хроков В.В. 2000. Материалы к орнитофауне поймы Иртыша и предгорий Алтая. Часть 2. Falconiformes, Columbiformes, Cuculiformes, Strigiformes, Caprimulgiformes, Apodiformes, Coraciiformes, Piciformes // *Рус. орнитол. журн.* 9 (93): 3-20.
- Березовиков Н.Н. 1986. Краткие сообщения о беркуте на Западном Алтае // *Редкие животные Казахстана*. Алма-Ата: 143.
- Корелов М.Н. 1962. Отряд хищные птицы – Falconiformes // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 2: 488-707.
- Мякшевеев С.П. 1986. Краткое сообщение о беркуте в окрестностях Усть-Каменогорска // *Редкие животные Казахстана*. Алма-Ата: 143.
- Рубинич Б., Березовиков Н.Н. 2001. Заметки о птицах Юго-Западного Алтая, Калбы, Зайсанской котловины и восточной части Казахского мелкосопочника // *Selevinia*: 77-87.
- Селевин В.А. 1935. Новые данные по распространению птиц в Западном Алтае и его предгорьях // *Бюл. Среднеаз. гос. ун-та* 21 (13): 115-126.
- Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии*. М.; Л., 1: 1-320.
- Щербаков Б.В., Березовиков Н.Н. 2005. Птицы Западно-Алтайского заповедника // *Рус. орнитол. журн.* 14 (290): 507-536.
- Щербаков Б.В., Березовиков Н.Н. 2007. Фауна птиц Западно-Алтайского заповедника // *Тр. Западно-Алтайского заповедника*. Алматы, 1: 41-87.
- Щербаков Б.В., Кочнев А.Г. 1986. Краткие сообщения о беркуте на Западном Алтае // *Редкие животные Казахстана*. Алма-Ата: 143.

